

УДК 141.32

**Сравнительная характеристика значения речевых высказываний у
М. Бахтина и Э. Бенвениста**

Л.П. ШЕЛЮХ

Донбасский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина,
E-mail: ludart3000@mail.ru**Авторское резюме**

В статье анализируется «глубинная» социальность человека в концепции речевых высказываний человека М. Бахтина в сравнении с теорией «производства» субъекта в речи, представленной в работах французского ученого Э. Бенвениста. Так, М. Бахтин предложил архитектурную модель человека, согласно которой безымянных, ничьих слов у человека не существует вовсе. Любое слово в культуре и социуме рано или поздно включается в непрерывающийся диалог чужих слов с их оценочностью, установками и смысловыми контекстами. Данная архитектурная модель человека предполагает антропологически - экзистенциальную природу эпистемологии, в которой диалогическое или соучастное мышление всегда ориентировано на видение в чужом слове альтернативную или другую точку зрения. Но тем самым этот новый тип лингвистики как металингвистики или метариторики очерчивает и предмет своего исследования, а именно – изучение высказывания в процессе его производства субъектом, что, в свою очередь, предполагает и определенную модель человека как субъекта высказывания и носителя определенных смыслов. Это было предметом научного интереса в свое время французского ученого Э. Бенвениста и на что сейчас ориентированы исследования французской школы автоматического анализа дискурса М. Пеше - П. Серио. Целью настоящей статьи является изучение философско-антропологических оснований речевых высказываний у М. Бахтина, конституирующих глубинную социальность в сравнении с «производством» субъекта в дискурсе или в высказывании - акте у Э. Бенвениста.

Э. Бенвенист формулирует условия вхождения говорящего в свою собственную речь. Другими словами, речь здесь идет о введении указателей или маркеров «живого» присутствия говорящего в самом акте высказывания. Если для Э. Бенвениста субъект – это, в первую очередь, субъект, порожденный в языке, субъект высказывания, то для М. Бахтина субъект всегда предшествует речевому высказыванию, он – уже человек, уже лицо, а не дискурсивная позиция или положение. Другими словами, речь здесь идет о введении указателей или маркеров «живого» присутствия говорящего в самом акте высказывания. Для этого используются разнообразные языковые средства, указывающие на речевую ситуацию, а именно, - перформативы, дейксисы (средства, указывающие на момент говорения, предусмотренные в языке), формы пространственно-временного ориентирования и т.д. Напротив, для М. Бахтина речь носит не процессуально - индивидуализированное, а диалогово - собирающее действие. М. Бахтин изучает все разнообразие субъекта в диалоге и коммуникации: как свое - чужое, Я - для-себя, чужое Я, Другой-для-меня, Я- для-другого, в идеале – диалогизм является принципом любого высказывания, и шире – является интересубъективным, интертекстовым феноменом. Если в теории «производства» субъекта в языке французского ученого понятие диалогизма важно лишь постольку, поскольку лишь обращаясь к другому человеку, субъект называет себя «Я», то для человека М. Бахтина «быть - значит общаться

© Л.П. Шелюх, 2013

диалогически», диалог требует не погружения в процесс высказывания, а нескончаемого продолжения диалога с Другими.

Ключевые слова: диалогизм, металингвистика, речевое высказывание, язык, дискурс, «производство» субъекта, «глубинная» социальность.

Comparative characteristics of speech meaning in Michail Bakhtin and Emile Benveniste

L.P. SHELIIKH

Donbas state pedagogical university, Slavyansk, Ukraine, E-mail: ludart3000@mail.ru

Abstract

The «deep» human sociality in Bakhtin's concept of human speech utterances versus Benveniste's theory of the «production» of the subject in a speech is analyzed. Thus, Bakhtin had proposed the architectonic model of man whereby man has no nameless, nobody's words.

Any word in the culture and society is being included sooner or later in the ongoing dialogue of alien words with their evaluating, attitudes and semantic contexts. This architectonic model of man presupposes anthropological and existential nature of epistemology where the dialogic or participative thinking is always focused on the vision of the alternative or the other point of view in the alien word. But, thus this new type of linguistics as meta linguistics or meta rhetoric outlines the object of its study as well, namely - the study of utterance in the process of its production by the subject, that in turn, implies a certain model of man as a subject of utterance and a medium of specific meanings. It was the subject of scientific interest of the French scholar E. Benveniste at one time and is now focused by the study of M. Pesce & S. Serio's French school of discourse automatic analysis. The purpose of this article is the comparative examination of the philosophical and anthropological bases of M. Bakhtin's speech utterances constituting deep sociality and the «production» of the subject in discourse or in utterance and act in E. Benveniste. In other words, we are talking about the introduction of pointers or markers of «living» presence of the speaker in the very act of utterance. E. Benveniste formulates the terms of speaker entrance in his own speech. For E. Benveniste the subject is primarily the one generated in the language, the subject of utterance, and for Bakhtin, the subject is always preceded by a saying voice, he is already the person, he is already the face, not a discursive stance or position. Moreover, there is completely absent E. Benveniste's differentiation in Bakhtin that is a statement as an act and utterance and as a result of speaking where the act of utterance presupposing subject «production» assumes the dominant position. E. Benveniste formulates the terms of the speaker entrance in his own speech. In other words, we are talking about the introduction of the speaker's «live» presence pointers or markers in the very act of utterance. For this purpose the various linguistic tools indicating at speech situation, namely - performatives, deixis (means indicating at the moment of speaking those are provided in language), forms of orientation in space and time, etc. are used.

In contrast, for Bakhtin speech carries not a procedurally and individualized but a dialog and collecting action. If the concept of dialogism in the theory of the «production» of the subject in the language of the French scientist is important only in so far as only referring to the other person, the subject calls himself the «I» for a man of Bakhtin's «to be means to communicate dialogically», dialogue requires not the immersion in the process of utterance, but the endless continuation of the dialogue with the Others. This understanding of Bakhtin's dialogism as infinite discourse with the Other, where dialogue and discourse may be treated as synonyms, had been further developed in the French school of the automatic analysis of such famous scholars as P. Henry, O. Ducrot, J. Authierz-Revuz, and others. Their investigations let identify and distinguish different types of «alien language» in general text structure.

Keywords: dialogism, meta linguistics, speech utterance, language, discourse, «production» of the subject, «deep» sociality.

Постановка проблемы. Как известно в книге М. Бахтина «Марксизм и философия языка», изданной им в 1929 году под псевдонимом В. Волошинов (или в соавторстве с самим Волошиновым), дана радикальная критика сосюрковского лингвистического структурализма. Так, главным направлением критики ключевых положений языкознания Ф. де Соссюра и его последователей был абстрактный объективизм языка как структурированной системы лингвистических форм, подчиненных изначальной законсообразной норме. Это практически игнорировало «живую» человеческую речь и, тем самым, практически исключало из области языкового анализа социальное содержание языко-

вых высказываний, которые основываются на глубинно диалогическом характере разговорного языка.

Между тем, согласно М. Бахтину, в формировании и воспроизводстве - глубинной социальности одну из ведущих ролей играет «внутренний» диалог или полифония речевых высказываний субъектов, что стало одним из краеугольных положений ныне интенсивно формирующихся теории речевых актов, теории текстового анализа и дискурс-анализа.

Если отталкиваться от основного принципа диалогизма М. Бахтина, то «субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь

субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [1, с. 383]. Но какое значение придавал диалогизму речевых высказываний или «живому» слову М. Бахтин? И какой смысл приобретает «живое» слово в философско-антропологическом анализе и в современной философии языка? Как соотносятся речевые высказывания с практикой применения понятия «дискурс»? В рассмотрении комплекса этих вопросов представляет первостепенный интерес соотнести «глубинную» социальность человека в концепции речевых высказываний М. Бахтина с теорией «производства» субъекта в речи, представленной в работах французских ученых - Э. Бенвениста и ведущих представителей школы автоматического анализа дискурса.

Анализ исследований и публикаций. В последнее время происходит настоящий русскоязычный лингвистический бум в плане создания социолингвистической теории речевой коммуникации и теории речевых жанров, импульсом к разработке которых дало многостороннее творчество М. Бахтина. Достаточно хотя бы назвать работы В. Карасика «Языковый круг: личность, концепты, дискурс». Он же. «Языковая кристаллизация смысла», Он же. «Языковые ключи», М. Бахтина и Е. Головки «Социолингвистика и социология языка», В. Успенского «Ego Loguens», В. Дементьева «Теория речевых жанров», М. Макарова «Основы теории дискурса» и некоторые другие работы по философии языка. Но, к сожалению, при всех социокультурных, лингвистических, коммуникативных и прочих достоинствах этих исследований, изучение феномена диалогизма остается еще «в тени». Последний как базовый принцип изучения человека в социуме и культуре априорно предполагает «глубинную» социальность человека и определенную философско-антропологическую модель субъекта. В лучшем случае при анализе концепта «живого» слова как высказывания или как «дискурса» используется феноменологическая модель человека в ее классическом - гуссерлианском - интерсубъективном варианте (А. Макаров) или акцент делается на ключевых положениях в трактовке соотношения языка и речи аналитической философии (В. Карасик).

М. Бахтин предложил архитектурную модель человека, согласно которой безымянных, ничьих слов у человека не существует вообще. Любое слово в культуре и социуме рано или поздно включается в диалог чужих слов с их оценочностью, установками и смысловыми контекстами. Как пишет в этой связи Л. Микешина: «Новое видение субъекта - человека познающего - с необходимостью рождает новое структурное понятие - архитектонику» [2, с. 543]. Данная архитектурная модель человека предполагает антропологически - экзистенциальную природу эпистемологии, в кото-

рой диалогическое или соучастное мышление всегда ориентировано на видение в чужом слове альтернативную или другую точку зрения. Проясняя это положение, известная российская исследовательница Н. Автономова отмечает, что «место чужого слова неоднозначно: это могут быть и слова автора о герое, и слова героя за пределами авторского кругозора. В записях 1960-1970 годов Бахтин утверждает, что виды, формы и степени чужести чужого слова призвана изучать пока еще не существующая дисциплина - металингвистика» [3, с.172]. Но тем самым этот новый тип лингвистики очерчивает и предмет своего исследования, а именно - изучение высказывания в процессе его производства субъектом, что, в свою очередь, предполагает и определенную модель человека как субъекта высказывания и носителя определенных смыслов. Этим в определенном смысле и занимался в свое время Э. Бенвенист и на что сейчас ориентирована французская школа автоматического анализа дискурса М. Пеше - П. Сериро.

Целью исследования является изучение философско-антропологических оснований речевых высказываний у М. Бахтина, конституирующих глубинную социальность в сравнении с «производством» субъекта в дискурсе или в акте высказывания у Э. Бенвениста и представителей французской школы автоматического анализа дискурса.

Изложение основного материала. По всей видимости, «слепота» к детальной проработке философско-антропологических оснований понятия «речевое высказывание» и применение в этом контексте франкоязычного «дискурса» у русскоязычных исследователей во многом отличается от использования понятия «дискурс» во французской гуманитарной традиции. Так, во французской гуманитарной традиции это понятие связано с наукой об идеологии, где слово «идеология» имеет множество различных значений, указывающих на разнообразные и подчас совершенно непохожие друг на друга феномены. Здесь понятие «идеология» подразумевает и любой языковый, и любой текстовый, и любой семиотический факт, всегда основывающийся на глубинной психоаналитической или, еще шире, антропологической основе. Его интерпретация всегда предполагает учет реальных искажений или упущений, определяемых изначальной «нагруженностью» дискурса сферой социальных интересов, в котором кристаллизуются социальные значимости, всегда затемняющиеся в той или иной мере языково-семиотическую картину мира. Поэтому, во французской гуманитарной традиции идеология как ложное сознание является эпифеноменом любого типа дискурса, фиксирующего воображаемый характер отношения людей к условиям своего существования. Как известно, такое понимание дискурса восходит к исследованиям феномена идеологии К. Маркса и

Ф.Энгельса. На эту полисемию обратила внимание Н. Автономова: «Слово «дискурс» во французском научном словоупотреблении крайне многозначно. Это одновременно синоним речи в сосюрсовском употреблении, лингвистическая единица шире фразы, любое высказывание, имеющее говорящего и слушающего (который подвергается воздействию говорящего), место, где разыгрывается бесконечная креативность речевого использования языка как совокупности конечного числа элементов, проявление языка в живой коммуникации и др.» [3, с.181]. Вот почему исследовательский пафос французских социально-антропологических исследований направлен на деконструкцию любого типа дискурса как речевого высказывания, что способствует изучению условий и механизмов производства субъективности.

Иное дело русскоязычное применение слова «идеология», закрепленное в языковом пространстве, на что обратил внимание один из ярких представителей школы автоматического анализа дискурса П. Серио, исследователь советской и постсоветской идеологии как феномена языкового сознания: «Не следует понимать это слово в том значении, в котором оно имеет наибольшее распространение в русском языке, а именно как «организованная система идей» [4, с.21]. К сожалению, вышеприведенные русскоязычные исследования дискурса и его практик не рассматривают их в ракурсе, обозначенном французскими гуманитариями во многом из-за отсутствия четкой и продуманной философско-антропологической основы субъективности, что неизбежно приводит к разнотечию понятий «речь», «высказывание» или «живое» слово в русском и дискурсе во французском языке.

Обратившись к истории понятия дискурс, можно отметить некоторые специфические особенности его возникновения. Так, к самому термину «дискурс» как понятию для обозначения различных видов речевых практик подвели в середине 50-х годов прошлого столетия исследования французского лингвиста и философа языка Э.Бенвениста, разработавшего теорию высказывания, получившую свою презентацию в цикле работ под общим названием «Человек в языке». В частности, в своей статье «Формальный аппарат высказывания» французский лингвист писал: «Нашим объектом является самый акт производства высказывания. Этот акт - дело говорящего, который использует язык по своему усмотрению. Отношения, устанавливающиеся между говорящим и языком, определяют языковые черты высказывания» [5, с.312]. Примечательно здесь то, что любое высказывание можно рассматривать как предельно индивидуализированный акт «живого» говорения. Он характеризуется допредикативным, априорным наличием определенных социолингвистических условий, благодаря которым и проявля-

ются специфические отношения говорящего со своей речью, т.е. устанавливаются отношения дискурса как диалога в его практическом ситуативном применении.

Прежде всего Э.Бенвенист формулирует условия вхождения говорящего в свою собственную речь. Другими словами, речь здесь идет о введении указателей или маркеров «живого» присутствия говорящего в самом акте высказывания или, выражаясь языком французского лингвиста, «центра внутренней референции... с помощью особых форм, функция которых заключается в установлении необходимой и постоянной связи между говорящим и его высказыванием» [5, с.314].

Какие же это условия вхождения говорящего в свой собственный дискурс? Французский исследователь структурирует их следующим образом: «Речь идет о появлении указателей лица (отношения Я – Ты), что имеет место только в акте высказывания и при посредстве акта высказывания: слово Я обозначает человека, произносящего высказывание, слово Ты – человека, который при этом присутствует в качестве собеседника» [5, с. 314]. Здесь у Э.Бенвениста через реальную или воображаемую систему взаимоотношений «Я – Ты» просматривается, если так можно сказать, «внутренняя» социальность любого акта говорения.

Видимо речь здесь идет о той социальной ситуации, в которой непременно оказывается любой говорящий, каждый раз, прибегающий к использованию языка, где «он немедленно противопоставляет себе другое лицо, какой бы ни была степень присутствия, приписываемая им этому лицу. Всякий акт высказывания является, эксплицитно или имплицитно, обращением к кому-либо, он постулирует наличие собеседника» [5, с.313] – резюмирует свою позицию французский ученый. «Внутренняя» социальность изучалась и известными французскими философами, а именно: Ж.Батаем, М.Бланшо, Ф.Лаку-Лабартом, Ж.-Л.Нанси и другими. Так, Жан - Люк Нанси называет ее «совместимость бытия» или «бытием – сообща», «бытием – во – множестве», «бытием – одних – с – другими», обнажая «вместе» как категорию, все еще не обретшую статуса или узуса, но откуда приходит все то, что заставляет нас мыслить – и все то, что заставляет мыслить «нас» [6, с.75]. Несколько дистанцируясь от фигуративности и игры слов, свойственной философской манере Ж.-Л. Нанси, постараемся удержаться для дальнейших наших рассуждений его исходную интуицию, а именно, как «бытия – одних – с – другими», т.е. глубинную социальность, так и изначальную пространственность, топосность человеческого бытия. В этом контексте вполне очевидным становятся рассуждения Э.Бенвениста о том, что «ту же природу имеют и с той же структурной акта высказывания соотносятся многочис-

ленные средства оstenсивного указания (типа это, здесь и т.п.), слова, которые предполагают одновременно с их произнесением указание на предмет жестом» [5, с.314]. Но, как известно, оstenсивные или наглядные указания, т.е. те, которые можно продемонстрировать, всегда имеют пространственную артикулированность предмета или лица. Эти «указательные слова» фиксируют место или пространственность речи или дискурса, они «рождаются в акте высказывания; они возникают в результатах этого события, индивидуального и, если можно так сказать, «единожды рожденного» [1, с.314]. Но самая интересная их особенность кроется в том, что «они создаются заново каждый раз, когда произносится высказывание, и каждый раз они означают нечто новое» [5, с.314] в плане своей пространственной диспозиции и пресуппозиций в целом.

Еще более интересный вывод делает Э.Бенвенист относительно категории времени экзистенции дискурса. Так, полемизируя с «когнитивистами», утверждающими и по сей день, что темпоральность – это основа мыслительной деятельности человека, французский исследователь языка настаивает на том, что в действительности темпоральность возникает в акте высказывания и через высказывание. Высказыванию обязана своим появлением категория настоящего, а из категории настоящего рождается категория времени «настоящее... является, по существу, источником категории времени» [5, с.315]. Более того, Э.Бенвенист возвращается к социальной природе акта высказывания или дискурса как системы показателей дейксиса, касаясь так называемых фактических или контактных видов речи, т.е. актов говорения, практически не имеющих информационно-познавательного значения или, как иногда говорят, - формально-учтливой, бесцельной «болтовни». Вместе с тем, функция ее совершенно иная - она носит человекосозидающий через социальность характер: «Каждое высказывание есть акт, прямо направленный на то, чтобы призвать слушающего к говорящему узами какого-либо чувства, социального или иного. Язык в этой функции выступает...не в качестве орудия мысли, а в качестве способа действия» [5, с.319]. Таким образом, у Э.Бенвениста на уровне анализа речевого акта как дискурса присутствуют практически два его неотъемлемых атрибута - пространственная артикулированность в настоящем и «внутренняя» социальность, развертывающаяся на уровне диалогичности «Я - Ты».

Последнее обстоятельство, а именно: при-сваивание говорящим вышеназванных форм языка и соотнесение их с собственным лицом, представляя при этом самого себя как «Я», а своего партнера по общению как «Ты» или «Он» и составляет основу «производства» субъективности у Э.Бенвениста. Здесь язык не столько

средство общения или средство выражения мысли, сколько он приобретает совершенно новую функцию в конституировании лица через «живой» акт высказывания. Именно в этом смысле данная проблематика становится решающей в исследовании дискурса и его практик. Вместе с тем, концепция французского лингвиста может быть истолкована, что уже неоднократно предпринималось, в совершенно другом ключе, а именно: как очередная вариация картезианского субъекта или целостного психологического субъекта, целиком владеющего своим языком намерениями и желаниями и, следовательно, управляющего смыслом своих слов.

А если допустить, что дискурс строится на основе того, что реальный смысл всегда как-то ускользает или утрачивается, всегда связан с принципиальной нерационализированностью, непрозрачностью смысла для говорящего? Тогда исследование дискурса приобретает совершенно другой контекст. В нем переструктурируются и переосмысливаются социальные отношения «Я» - говорящий и «Ты» - слушающий и их инверсия в совершенно другой вид, а именно, возникает устойчивый мотив Другого как главного структурирующего элемента нашего отношения с социальной реальностью, то есть Другого меня с переменчивыми языком, намерениями и желаниями, Другого другого как моего тождества или различия и т.д. и т.п. Причем это имеет отношение не только к натуральным или «живым» лицам, но и имеет отношение к виртуальному, воображаемому пространству нашего существования.

Напротив для М. Бахтина речевые высказывания носят не процессуально - индивидуализированное, а диалогово - собирающее действие. М. Бахтин изучает все разнообразие субъекта в диалоге и коммуникации: как Свое - Чужое, Я-для-Себя, Чужое Я, Другой-для -Меня, Я- для -Другого и т.д. В идеале – диалогизм является принципом любого высказывания, и шире – является intersубъективным, интертекстовым феноменом, на что сделала акцент в своей теории intersубъективности Ю. Кристева. Если в теории «производства» субъекта в языке французского ученого понятие диалогизма важно лишь постольку, поскольку лишь обращаясь к другому человеку, субъект называет себя «Я», то для субъекта или человека М. Бахтина «быть - значит общаться диалогически», где диалог требует не погружения в процесс высказывания, а нескончаемого продолжения диалога с Другим или Другими.

В качестве наглядной иллюстрации значения речевых высказываний у М.Бахтина можно вспомнить его работу о Ф. Рабле. Так, в книге о Ф.Рабле российско-советский ученый находит почву для языка как речи в непосредственных телесных контактах людей, в которых речь, прежде всего, определяется коллективным дей-

ствием диалога и общения. Он описывает разнообразие тел и органов, телесных практик, взаимодействий и иерархий людей. Весь этот мир телесных взаимодействий получает выражение не столько в содержании, сколько в тональности языка, но при этом он вообще не дистанцируется от внеязыковых практик и все проблемы «внешнего», внеязыкового решаются как проблемы языка за счет вариабельного многообразия тональности в их непосредственном произнесении будь то просьбы и приказы, клятвы и мольбы, вопросы и ответы [8]. Его концепция в чем-то напоминает теорию перформативности, но связывая речевые высказывания (в его интерпретации – социолекты) с деперсонализированным коллективным телом народа, он создает совершенно оригинальную авторскую концепцию. Вместе с тем, на языке современного языкознания (и здесь прослеживается сходство взглядов М. Бахтина и Э. Бенвениста) понимаются, «как отражение общего несемиотического начала в языке, принадлежности языка к системам особого, «семантического» типа [5, с.80-81; 84].

В этом аспекте, как отмечает лингвист В. Деметьев: «Данное свойство языка проявляется в том, что в интерпретацию знака включен человеческий фактор, делающий результирующий смысл в конечном счете, непредсказуемым. Истоки семантического начала в языке лежат в огромном количестве и разнообразии знаков, в частности, в том, что существуют знаки трех типов: иконические, индексальные и символические [7, с.92].

В работе о Рабле у М.Бахтина философия языка как речи прочно связана с коллективным телом, и в которой расчленение и собирание единого языка на социальные, культурные, религиозные, профессиональные и т.п. речевые высказывания, «столкновение» на одной территории различных модификаций речевых высказываний, способствует лучшему самопониманию различных языков. Оно происходит через постижение своей инаковости или другости посредством опыта телесности в его различных речевых модификациях или то, что исследуется в языкознании как речевой жанр. В аспекте рассмотрения феномена бахтиновских коллективных тел П. Серию отмечает, что «Волошинов (читай М.Бахтин – В.П.) придерживался критического подхода к социальной психологии: он доказывал, что «социальная психология» в случае ее отделения от речевого взаимодействия, то есть взаимодействия людей посредством слов, рискует быть связанной с метафизическими и мифическими понятиями «коллективной души» или «духа народа» [7, с.49], что и не предполагает «производства» субъективности, она уже изначально есть.

Тем самым, М.Бахтин настаивал именно на коллективно-телесном опыте, «растворяя» язык в более широком пространстве теории ре-

чевых жанров: «Именно речевые жанры составляют буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками непрямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену более точными смыслами» [7, с.92].

Таким образом, принципиальным моментом расхождения в принципах построения бахтиновского диалогизма и школы автоматического анализа дискурса стало именно понимание субъективности. Так, если для М.Бахтина человек является отправной точкой для словесного взаимодействия в конкретных высказываниях, где опыт тела незаменим, то для школы анализа дискурса человек есть всегда результат или продукт дискурса как диалога, в этом плане ее представители являются последователями Э. Бенвениста. Сходство же обеих позиций заключается в том, что в обеих концепциях решающее значение уделяется пересказанной речи, то есть высказыванию внутри высказывания. Вместе с тем, пересказанное высказывание может пересказываться в анализе дискурса бессознательно, что совершенно отсутствует в диалогизме М.Бахтина. Поэтому, согласно М.Пеше и его коллег, любое подобное высказывание принадлежит области идеологии. И здесь мы снова упираемся в метафизические основания формирования разных подходов на Западе и на советском, и постсоветском философско-научном пространстве в исследовании одних и тех же феноменов – термины одни, а их генезис, производство, содержание и смысл совершенно разных.

Справедливости ради об этом и говорит П.Серию, анализируя, о чем уже говорилось ранее, принципиальное отличие понятия «идеология» во французском и русском языке [7, с. 20-21]. Добавим, что подобные различия касаются практически всех базисных понятий. В частности, М.Бахтин постоянно использует понятие «сознание», но оно не имеет прямого отношения к тому, как этот термин понимается в классической и постклассической европейской философии. «Сознание» в понимании М.Бахтина – это одновременно и сознание, и несознание классической концепции рефлексивности, и не бессознательное, как его понимал З.Фрейд, и последующая психоаналитическая и философская традиция, это что-то «кентаврическое» - сознание-общение, сознание-высказывание, сознание-пересказывание, сознание-проговаривание и т.д. Можно сказать, что само понятие сознание в подобной мыслительной перспективе изначально бессознательно, что исключает их противопоставление, что весьма характерно для всей западноевропейской ме-

тафизики и ее модернистской критике в лице К.Маркса, Ф.Ницше, З.Фрейда. Последние выдвинули на первый план категорию бессознательного как одного из базисных элементов исследования бытия человека. К слову сказать, во всей русской культуре именно художественная литература выполняла важнейшую философскую функцию просвещения и наставления в разуме, что совершенно несвойственно для европейской традиции. Поэтому, зачем до бесконечности здесь дробить субъект исследования, если он изначально является коллективным субъектом или коллективным телом - такова глубинная предпосылка, обосновывающая право на существование концепта «коллективное тело» в русскоязычных философских исследованиях.

Выводы. Подведем некоторые итоги нашего рассмотрения. Так, Э.Бенвенист формулирует условия вхождения говорящего в свою собственную речь. Другими словами, речь здесь идет о введении указателей или маркеров «живого» присутствия говорящего в самом акте высказывания. Для Э. Бенвениста субъект – это, в первую очередь, субъект, порожденный в языке, субъект высказывания, напротив, для М. Бахтина - субъект всегда предшествует речевому высказыванию, он – уже человек, уже лицо, а не дискурсивная позиция или положение. Более того, у М. Бахтина начисто отсут-

ствует дифференциация Э. Бенвениста: высказывание как акт и высказывание как результат говорения, в котором главенствующее положение занимает сам акт высказывания, предусматривающий «производство» субъективности.

Тем самым, Э.Бенвенист формулирует условия вхождения говорящего в свою собственную речь. Другими словами, речь здесь идет о введении указателей или маркеров «живого» присутствия говорящего в самом акте высказывания. Для этого используются разнообразные языковые средства, указывающие на речевую ситуацию, а именно: перформативы, дейксисы (средства, указывающие на момент говорения, предусмотренные в языке), формы пространственно-временного ориентирования и т.д. Смысл же бахтиновского диалогизма основан на бесконечном погружении в речь или дискурс Другого, в котором диалог и дискурс можно трактовать как синонимы.

Данное бахтиновское положение нашло свое дальнейшее развитие во французской школе автоматического анализа, в частности, у таких известных ученых, как П. Серио, П. Анри, О. Дюкро, Ж. Отье-Ревю. Их исследования позволяют выявлять и распознавать различные типы «чужой речи» в структуре основного текста, что станет предметом нашего дальнейшего анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. - С. 381-393.
2. Микешина Л.А. М.М. Бахтин: Переосмысление эпистемологических категорий [Текст] / Л.А. Микешина. // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под редакцией И.Т. Касавина. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 535- 565.
3. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров [Текст] / Н.С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 503 с.
4. Серио П. Как читают тексты во Франции [Текст] / П. Серио; пер. с фр. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – С. 12- 53.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист; пер с фр. – М.: УРСС, 2002. – 407 с.
6. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное [Текст] / Ж.-Л. Нанси; пер с фр. – Мн.: Изд-во «Логвинов», 2004. – 272 с.
7. Дементьев В. В. Теория речевых жанров [Текст] / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. –600 с. – (Коммуникативные стратегии культуры).
8. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.

Статья поступила в редакцию 31.10.2013

REFERENCES:

1. Bahtin M. M. K metodologii gumanitarnykh nauk [Tekst] (On the methodology of the humanities). *Estetika slovesnogo tvorchestva*. M.: *Iskusstvo*, 1986. P. 381-393.
2. *Mikeshina L.A.* M.M. Bahtin: Pereosmyslenie epistemologicheskikh kategoriy [Tekst] (M.M. Bakhtin : Rethinking the epistemological categories). *Sotsialnaya epistemologiya: idei, metodyi, programmyi*. M.: «Kanon » ROOI «Reabilitatsiya», 2010. P. 535- 565.
3. *Avtonomova N.S.* Otkryitaya struktura: Yakobson – Bahtin – Lotman – Gasparov [Tekst] (The open structure: Jacobson - Bakhtin - Lotman - Gasparov). M.: *Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*, 2009. 503 p.
4. *Serio P.* Kak chitayut teksty vo Frantsii [Tekst] (How to read texts in France). *Kvadratura smyisla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. M.: *OAO IG «Progress»*, 2002. P. 12- 53.

5. *Benvenist E.* Obschaya lingvistika [Tekst] (General Linguistics). M.: URSS, 2002. 407 s.
6. *Nansi Zh.-L.* Byitie edinichnoe mnozhestvennoe [Tekst] (Being singular plural). Mn.: Izd-vo «Logvinov», 2004. 272 p.
7. *Dementev V. V.* Teoriya rechevyih zhanrov [Tekst] (The theory of speech genres). M.: Znak, 2010. 600 p.
8. *Bahtin M.M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovya i Renessansa [Tekst] (Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance). M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p.

Шелюх Людмила Павловна – старший преподаватель
Донбасский государственный педагогический университет
Адрес: 84116, г. Славянск, ул. Батюка, 19
E-mail: ludart3000@mail.ru

Shelyuh Lyudmila Pavlovna – senior lecturer
Donbas state pedagogical university
Address: 19, Batyuk Str., Slavyansk, 84116
E-mail: ludart3000@mail.ru